

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Н.В. Генрих,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА И МЕТОДОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается влияние процессов глобализации на содержание и предмет уголовного права, состояние и перспективы его развития, пути и формы гармонизации международного и национального уголовного законодательства.

Ключевые слова: глобализация права; уголовно-правовое регулирование; предмет права; международное уголовное право; международный уголовный суд.

N.V. Genrikh,
Ph.D. in Law, Ass. Professor

INFLUENCE OF LAW UNIVERSALIZATION ON THE OBJECT AND METHODS OF CRIMINAL LAW REGULATION

The paper considers the influence of globalization processes on the content and object of criminal law, on the condition and prospects of its development, on the ways and forms of harmonizing international and national criminal legislation.

Key words: globalization of law; criminal law regulation; object of law; international criminal law; international criminal court.

Значимой тенденцией современного этапа общественного развития, без учета которой невозможно исследовать практически ни один аспект экономической, политической, социальной, духовной жизни страны, выступает глобализация. Глобализационный дискурс уже достаточно прочно вошел в арсенал научных, политических и общественных дискуссий, но при этом объективного, теоретически выверенного, единого понимания феномена глобализации, ее сути, причин, движущих сил и социальных последствий для будущего человечества в социальных науках не сложилось.

В самом общем виде можно констатировать, что глобализация представляет собой процесс укрепления взаимозависимости между странами, который охватывает собой в большей или меньшей степени все аспекты взаимопроникновения: идеологии, экономической, социальной, политической жизни. Под воздействием этого процесса, с одной стороны, формируется некое единое, глобальное пространство, построенное на основе собственных универсальных принципов, для которого не существует государственных границ, а с другой – трансформируется локальное социальное пространство внутри каждого отдельно взятого государства. Пожалуй, ключевая характеристика глобализации

состоит в том, что она означает именно процесс единения, и это принципиально важно, поскольку процесс этот не завершен и финал его неизвестен.

Феномен глобализации исследовался в трудах отечественных и зарубежных ученых [8; 24; 26; 27]. Воспринимая наличие глобализационных тенденций как данность, отметим, что в силу своей многоаспектности глобализация не могла не затронуть и правовую сферу жизнедеятельности общества. Будучи концентрированным отражением социально-экономических и политико-идеологических процессов, протекающих в стране, право, с одной стороны, косвенным образом трансформируется вследствие глобализационного изменения содержания своих социальных источников, а с другой стороны, будучи самостоятельным феноменом, испытывает непосредственное давление глобализации, которая отражается на всех его составляющих – принципах, содержании, сущности, методах, источниках и т. д. Это порождает своеобразное явление, получившее название правовой глобализации или глобализации права.

В общей теории права правовая глобализация определяется как процесс формирования новой, общемировой системы правовых норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимо-

действие в различных сферах жизни общества, в процессе которого международное право, национальное право, а также право международных хозяйственных объединений оказываются в состоянии тесной взаимозависимости. При этом отмечается, что «глобализация оказывает существенное влияние на трансформацию, изменения и модернизацию государственно-правовых институтов, норм и отношений на всемирном, макрорегиональном и внутригосударственном уровнях, стимулирует, ускоряет и обновляет процессы универсализации в области права» [21, с. 38].

Отечественная правовая наука уже достигла определенных успехов в области познания глобализационных трансформаций права. Однако, как показал анализ, юриспруденция в большей степени увлечена сегодня изучением общетеоретических проблем права и эффективности правовых функций государства в эпоху глобализации, в то время как вопросы глобализационного влияния на отраслевое правовое регулирование все еще остаются на периферии исследовательских интересов.

В области исследования проблем противодействия преступности значение глобализации в большей степени изучено криминологами [6; 7; 15; 23]. Что касается уголовно-правовой науки, то здесь воздействие глобализации на теорию и практику борьбы с преступностью изучается преимущественно с точки зрения проблем формирования международного уголовного права и его соотношения с национальным правом [10; 11; 17], развития международной юрисдикции по уголовным делам [13; 18], сближения уголовно-правовых систем современности и развития сравнительного правоведения [9; 12; 25]. В то же время фундаментальные проблемы уголовного права и его перспективы в эпоху глобализации изучены явно недостаточно [20]. Без ответа остаются вопросы, связанные с определением круга субъектов уголовного права, с предметом, методами и пределами национального уголовно-правового регулирования, регионализацией и субрегионализацией уголовного права, императивностью глобальных уголовно-правовых запретов, с трансформацией содержания отдельных уголовно-правовых институтов и т. д.

Остановимся лишь на принципиальных моментах, связанных с влиянием глобализации на содержание таких фундаментальных

характеристик уголовного права, как его предмет и метод.

Прежде всего, заслуживает внимания вопрос о возможности создания «глобального уголовного права» и месте в нем традиционного национального уголовного права. Как известно, в науке высказываются полярные суждения относительно построения глобального общества и соответствующего ему глобального права, что закономерно отражается и в отраслевых уголовно-правовых работах. Одни ученые ратуют за скорейшую и полную универсализацию уголовного права. Например, Г.К. Мишин говорит о необходимости оперативного формирования глобальной (универсальной) нормативно-правовой основы для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с предупреждением и пресечением не только международного терроризма, но и многих других угроз глобальной безопасности [19, с. 97]. Его поддерживает Г.О. Петрова, предлагающая создать Основы международного уголовного законодательства по аналогии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые включали бы нормы и Общей, и Особенной части уголовного права [22, с. 199]. Другие ученые либо сдержанно относятся к идее глобализации уголовного права, либо выступают против нее. Так, О.Н. Ведерникова, признавая значимость глобализационных тенденций, тем не менее, призывает к сохранению жесткого приоритета государственных интересов над международным правом, упрочению суверенитета в уголовно-правовой сфере, недопущению прямого действия норм международного уголовного права и вмешательства Международного уголовного суда в сферу юрисдикции национальных судебных органов [2, с. 183–184]. М.А. Кочубей высказывается жестче: «Правовое мессианство не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Всякий вопрос имеет свою «цену». Псевдорациональные попытки «выровнять» правовое поле и сделать его универсальным (не гармонично согласованным, а именно – универсальным) – прямой путь к установлению диктатуры и тоталитаризма... Политические риски связаны здесь, прежде всего, с тем, что произойдет легализация практики мирового правительства и примата этого карательного органа над законами суверенного государства» [14, с. 111].

За каждой из этих позиций стоит авторская оценка самой глобализации, основан-

ная, прежде всего, на представлениях о ее результатах. Между тем глобализация, как уже отмечалось, выступает сегодня лишь в качестве процесса. Как и всякий социальный процесс, она не подчинена жесткой причинной детерминации, не способна привести к точному, заранее просчитанному результату. По большому счету, глобализация сегодня предоставляет лишь некие возможности и ориентиры для дальнейшего развития. Конечно, складываясь изначально стихийно и произрастая из потребностей экономического развития, она в последнее время все более приобретает характер политически управляемого процесса. Это в полной мере применимо и к правовой глобализации, которая в настоящее время имеет ярко выраженную субъективную составляющую, заключающуюся в стремлении отдельных субъектов международных отношений при помощи правовых средств направить процессы глобализации права в определенное русло для достижения собственных национальных интересов. Однако такое «управление», на наш взгляд, следует рассматривать не как сущностную черту самой глобализации, а как пример использования предоставляемых ею возможностей. Сильные государства смогли в известной степени «оседлать» глобализационные тенденции и стремятся направить их в выгодное им русло. А это означает, что глобализационные возможности можно использовать в различных целях: и для построения всемирного государства и права, и для того, чтобы не допустить полной и тотальной универсализации.

Таким образом, однозначные оценки уголовно-правовой глобализации и однонаправленное понимание ее сути и последствий представляются недопустимыми. На наш взгляд, исследование проблем глобализации в сфере уголовного права должно с необходимостью предполагать сценарный вариант развития событий, основанный среди прочего и на принципе дополнительности, который в современной науке приобретает особое значение и требует составления различных, вплоть до взаимоисключающих, сценариев, для того чтобы создать целостное представление об изучаемом объекте. При этом сам сценарий не может быть объективно точным.

Сценарный вариант исследования процессов глобализации уголовного права предопределен особенностями самой глобализации, которая, выражая объективное

движение стран к универсализации стандартов экономической и общественной жизни, все же не имеет однозначного влияния на саму эту жизнь, обладает свойством амбивалентности, порождает внутренне противоречивые процессы, исход которых не является заранее известным. Глобализация – это многосторонний, неустойчивый и незавершенный процесс, который может привести к самым различным последствиям. В таких условиях наука обязана «просчитывать» все возможные варианты развития событий, с тем чтобы заранее подготовить почву для оперативного принятия тех или иных политических, правовых, управленческих решений.

Одним из ключевых проявлений (следствий) глобализации выступает, как известно, «размывание» государственного суверенитета, сокращение номенклатуры государственных функций и возможностей государства в их реализации. В сфере борьбы с преступностью это находит свое выражение, с одной стороны, в определенном перераспределении традиционно государственных функций по поддержанию правопорядка между собственно государством и международными организациями, в развитии международного уголовного права, положения которого сегодня являются не столько рекомендациями, сколько обязательными для имплементации предписаниями; а с другой стороны – в развитии самых различных общественных (негосударственных) инициатив и практик предупреждения преступности, которые приобретают в том числе и правовые (иногда локальные правовые) формы. Примером тому могут служить частные службы охраны предприятий, самоорганизующиеся объединения граждан по месту жительства в целях патрулирования улиц и иных общественных мест, участие институтов гражданского общества в реализации восстановительного способа уголовно-правового регулирования и т. д. Эти тенденции ограничения уголовно-правового суверенитета (сверху – международными структурами, снизу – институтами гражданского общества) с неизбежностью ставят вопрос об объеме государственного участия в деле борьбы с преступлениями, иными словами, – о сохранении самого феномена национального уголовного права как «среднего звена» между локальными правовыми актами и международным правом.

И здесь принципиальное значение приобретает решение вопроса о возможной

трансформации базовых характеристик отрасли уголовного права – его предмете и методах, от понимания которых зависит в целом механизм уголовно-правового регулирования. Каким образом глобализация может отразиться на правовой оценке юридических фактов, порождающих уголовно-правовые отношения, на структуре и содержании этих отношений, субъектах, между которыми они возникают, и возможных методах регулирования? От ответа на эти вопросы зависит будущее отрасли, ее место в системе права, роль и возможности в правовой охране интересов личности, общества и государства.

Представляется, что на современном этапе развития глобализационных процессов можно с равной долей вероятности прогнозировать, как минимум, три возможных сценария развития отрасли.

Первый сценарий условно назовем «глобалистским». Суть его состоит в том, что расширение сферы международного (универсального и регионального) уголовного правотворчества не будет встречать препятствий со стороны государственного суверенитета. Развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и защиты прав человека приведет к повсеместному признанию юрисдикции Международного уголовного суда и появлению постоянно действующих региональных международных судов. Параллельно будет осуществляться давление на национальное уголовное право со стороны внутригосударственных публично-правовых образований, в частности применительно к федеративным государствам – со стороны субъектов федерации. Оно будет заключаться в признании допустимости существования регионального внутригосударственного уголовного права, появлении уголовных кодексов субъектов федерации, что будет объясняться социальными и культурными различиями регионов.

Продолжением этой тенденции может стать появление уголовно-правовых норм, которые будут обслуживать интересы конкурирующих с государством транснациональных корпораций и применяться службами безопасности самих этих компаний. В итоге полученное государством в процессе исторической эволюции эксклюзивное право наказания преступников и поддержания правопорядка посредством уголовно-правовых санкций будет подорвано. Действующее в масштабах государства уголовное право

потеряет свою легитимность и в конечном счете при последовательном развитии событий сойдет с арены истории вместе с самим государством.

Второй сценарий можно назвать «антиглобалистским». Объективная невозможность установления единых политических, социальных, культурных и собственно правовых стандартов на фоне разочарования населения различных стран в средствах, методах и издержках глобализации, падение авторитета западных ценностей, вокруг которых и происходят процессы универсализации, и возможностей западной цивилизации по их распространению и поддержке, приведут к нарастанию интенсивности антиглобалистских движений, отказу от построения единого универсального мира и замыканию государств в пределах собственных территориальных границ, и соответственно в пределах национального права.

В сфере уголовного права это может привести к явлениям и процессам, прямо противоположным рассмотренным выше. Основным их результатом станет максимальное укрепление суверенитета государства, возрастание его роли в международных отношениях и связанное с этим усиление позиций внутри страны. В уголовном праве это грозит расширением круга уголовно наказуемых деяний, отказом от международных гуманитарных стандартов и ограничений на разработку и реализацию уголовной политики, усилением государственного контроля над общественными инициативами в деле борьбы с преступностью (например, унификацией в масштабах государства местных практик участия общественности в предупреждении преступности, отправлении правосудия, ресоциализации осужденных и т. д.), большим разнообразием уголовно-правовых систем на международной арене.

При таком подходе высока вероятность дегуманизации средств уголовно-правового регулирования, переоценки возможностей и превращения уголовного права в мощное (но не самое эффективное) средство разрешения социальных противоречий и выполнения задач общественного развития.

Наконец, *третий сценарий*, условно назовем его «оптимальным», предполагает совмещение достоинств двух изложенных при одновременной минимизации их негативных характеристик. Он возможен в случае, если все современные субъекты

международного общения (государства, межгосударственные, в том числе и неправительственные, организации, транснациональные корпорации и др.) на основе рационального обсуждения и равноправного участия выработают отвечающие актуальным потребностям формы их взаимодействия, найдут оптимальный баланс между едиными стандартами и культурным разнообразием.

В области уголовного права этот сценарий предполагает четкое разграничение сферы приложения международных, государственных и локальных внутригосударственных усилий для контроля над преступностью. Оно возможно на основе соответствующей классификации преступлений. Международное, внутригосударственное, локальное преступления станут юридическими фактами, порождающими каждое в отдельности особый вид правоотношений, для регулирования которых будут применяться специфические (хотя, возможно, частично совпадающие) методы. При этом чем выше будет уровень уголовных правоотношений, тем меньше будет количество предусмотренных законом порождающих их фактов и более суровыми санкции, а императивность – единственным режимом. И, наоборот, по мере снижения уровня правоотношений число порождающих их фактов станет более значительным, а санкции более разнообразными; здесь не исключено применение наряду с императивным и диспозитивного режима правовой регуляции.

Представленные сценарии в целом соответствуют существующим в социально-политологической и футурологической литературе прогнозам развития мира в глобализационную и постглобализационную эпоху. Каждый из них, конечно, требует дополнительного осмысления и уточнения многих важных параметров. Но и представленных усеченных моделей достаточно для того, чтобы сделать вывод о бесперспективности первых двух сценариев. Оптимальный вариант развития уголовного права в современную эпоху немыслим, по нашему мнению, без единовременного учета разнонаправленных тенденций глобализации и локализации, укрепления государственного суверенитета и расширения сферы негосударственного регулирования, совмещения императивных и диспозитивных начал в регулировании

публично-правовых отношений, уточнении содержания и объема самих частных и публичных интересов как объектов уголовно-правовой охраны.

Реализация оптимального сценария не предполагает ни отказа от глобализации уголовного права (это, несомненно, было бы шагом назад на пути совершенствования правовых механизмов противодействия преступности), ни полномасштабного подчинения национальных уголовно-правовых систем «мировому правительству». Она должна сопровождаться последовательным, логически и политически выдержанным разграничением сферы приложения международного и внутригосударственного уголовного права, иными словами, разграничением предметов их регулирования.

Особенно остро этот вопрос встал в связи с появлением в международно-правовом пространстве Международного уголовного суда (МУС) и формированием его специфической юрисдикции. В основу функционирования МУС, как известно, положен принятый в 1998 г. Римский статут – многосторонний международный договор комплексного межотраслевого характера, определяющий материально-правовые, процессуальные, процедурные, организационные аспекты деятельности этого органа международного правосудия. Статут и суд в определенной мере подвели итог длительной и кропотливой работе государств по созданию надлежащих условий для реализации уголовной ответственности физических лиц за наиболее опасные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества.

Вместе с тем сам факт создания МУС и результаты его функционирования вызывают крайне неоднозначную оценку, в том числе и в нашей стране. Участие России в Римском статуте, связанная с ним необходимость его ратификации и признания юрисдикции МУС, образуют сегодня комплекс острейших политико-правовых проблем, расколовших сообщество криминалистов на сторонников и противников присоединения страны к соответствующему международному договору.

Оставляя в стороне рассуждения о политической ангажированности МУС, считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что решению вопроса о ратификации Россией Римского статута должно предшествовать исследование ряда проблем теории уголовно-правового регулирования, вызван-

ных к жизни Римским статутом. Среди них особый интерес вызывают проблемы понимания юридической природы, субъектов и содержания тех отношений, которые возникают в связи с совершением наиболее опасных преступлений, образующих предметную юрисдикцию МУС.

Суждение о том, что отношения, возникающие в связи с фактом совершения преступления между виновным лицом и государством, установившим уголовно-правовой запрет, составляют предмет регулирования национального уголовного права, оспорить трудно. Не вызывает сомнений и тезис о том, что регулирование отношений между государствами в связи с совершением одним из них наиболее опасных преступлений против мира и человечества составляет задачу международного публичного права. Даже в том случае, когда нормы международного права устанавливают ответственность физических лиц за такие преступления, они имеют в виду деяния, которые совершены, прежде всего, официальными лицами государства одновременно с преступлением самого государства, а сама эта ответственность мыслится как имеющая международно-правовой характер.

Эти устоявшиеся тезисы, верные в рамках раздельного анализа теории национального и международного уголовного права, сегодня нуждаются в корректировании, в особенности, когда речь заходит об осмыслении последствий ратификации Римского статута МУС. Статут, как известно, содержит нормы материального уголовного права, на основании которых физические лица могут нести ответственность перед международным сообществом (точнее, перед той его частью, которая признала для себя юрисдикцию суда), причем вне зависимости от того, привлекается ли какое-либо государство к ответственности за совершенные им преступления по международному праву, и вне зависимости от того, предусмотрена ли ответственность за эти преступления в национальном праве государства – участника статута.

В связи с этим встает важный вопрос об определении правовой природы отношений, возникающих в связи с совершением преступлений, между физическим лицом и МУС. В отечественной науке нет единства взглядов на эту проблему.

Так, А.Г. Кибальник, исходя из того, что международное уголовное и национальное уголовное право являются различными от-

раслями со своим предметом, фактически предлагает положить в основу определения правовой природы отношений особенности субъекта правоприменения: если норму международного или национального права применяет международный судебный орган, то перед нами отношения, составляющие предмет международного уголовного права, если правоприменителем выступает национальный суд – возникающие отношения составляют предмет национального уголовного права [11, с. 26].

Иное решение предложено В.А. Вдовиным. Он указывает на частичное совпадение объекта регулирования международного и национального уголовного права и возникновение в этой связи комплексных отношений, при которых социальные связи между субъектами либо последствия, связанные с ненадлежащим регулированием и охраной таких отношений, выходят за рамки правового поля отдельного государства и приобретают региональное или мировое значение. К категории комплексных относятся среди прочих, по мысли автора, охранительные общественные отношения, возникающие в связи с совершением деяний, посягающих на объекты, поставленные под уголовно-правовую защиту как международным, так и внутригосударственным правом [3, с. 8, 16].

Представляется, что изложенные варианты не могут быть признаны в полной мере удовлетворительными: первый из них основан на смешении причины (природы отношения) и следствия (вида правоприменительного органа), в то время как второй исходит из весьма спорной посылки о возможности существования межотраслевых (можно сказать более – межсистемных) правовых отношений. Объединяет же эти две позиции признание МУС данностью, реальностью, с которой следует считаться и исходя из которой необходимо решать задачи теории уголовного права.

Такой подход к решению вопросов теории права, по нашему мнению, небезупречен. При исследовании правовой природы отношений, возникающих между МУС и физическим лицом, совершившим преступление, представляется возможным, учитывая тот факт, что Россия не ратифицировала Римский статут, несколько отвлечься от обязательности его положений и проанализировать ситуацию на уровне теоретической модели, допускающей различные варианты

развития событий с самой ратификацией и в конечном итоге позволяющей сделать вывод о необходимости таковой.

Как следует из ст. 1 Римского статута, МУС «дополняет национальные системы уголовного правосудия», т. е. действует на основе принципа комплементарности. При этом суд осуществляет свою юрисдикцию в отношении преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, либо по просьбе государств, либо по просьбе Совета Безопасности ООН, либо в инициативном порядке (ст. 14). Каждый из этих случаев требует особого рассмотрения.

Если ситуация преступления передается в МУС государством-участником, то здесь происходит своего рода «уступка права наказания» со стороны отдельного государства такой структуре, как МУС. Учитывая, что государства вольны по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им правами, в легитимности такой «уступки», при соблюдении конституционных предписаний отдельных стран, не возникает сомнений. Демократические процедуры ратификации Римского статута позволяют предположить, что и граждане соответствующих государств согласны на то, чтобы в традиционных уголовно-правовых отношениях один из субъектов (государство) был заменен другим (МУС). Возникающие в данном случае отношения между физическим лицом и МУС справедливо рассматривать в качестве особой разновидности уголовно-правовых отношений, причем в традиционном понимании как отношений, составляющих внутреннее право отдельного государства, несмотря на специфику субъекта правоприменения и характер применяемых правовых норм.

Передача в МУС ситуации преступления Совбезом ООН возможна лишь в строго ограниченных случаях наличия угрозы миру и агрессии. Здесь также имеет место «уступка права наказания»: вместо создания специального трибунала ООН поручает МУС осуществлять преследование лиц, виновных в преступлении, агрессии, оставляя за собой право определения самой агрессии и применения мер международной ответственности к государству-агрессору. Возникающие в таком случае отношения между МУС и физическим лицом, на наш взгляд, являются международно-правовыми отношениями, составляющими предмет международного права; они дополняют собой отношения, воз-

никающие между государством-агрессором и международным сообществом в лице ООН.

Кроме того, МУС вправе начать расследование ситуации преступления в инициативном порядке, как указывает Римский статут, в силу принципа комплементарности (ст. 1) и положений о приемлемости (ст. 17), когда то или иное национальное государство не проводит собственного расследования либо не желает этого, или неспособно его провести. В данном случае происходит принудительная замена одного из участников уголовно-правового отношения (государства) другим субъектом (МУС). В такой «принудительности», учитывая разъясняемые Римским статутом термины «нежелание» и «неспособность» государств к осуществлению преследования, нельзя не видеть вмешательства во внутренние дела государства. Ссылки на то, что оно признало юрисдикцию МУС, ратифицируя Римский статут, здесь вряд ли уместны. Ни одно цивилизованное государство не согласится с тем, чтобы компетентность и эффективность его системы правосудия оценивалась членами МУС, особенно в условиях отсутствия четких критериев такой оценки и сохраняющейся политизированности в принятии им внешне правовых решений. МУС в рассматриваемой ситуации действует, с одной стороны, вне международно-правового поля, а с другой стороны, подменяя государство как сторону в уголовно-правовых отношениях, вне национального уголовного права.

В итоге можно констатировать в целом неправовой характер отношений, возникающих между физическим лицом и МУС в условиях осуществления им инициативного преследования. Представляется, что именно возможность возникновения подобного рода отношений является главным препятствием на пути ратификации Римского статута Россией.

Дискуссия относительно дальнейших шагов России в отношении МУС должна вестись не с позиций ратифицировать или не ратифицировать Римский статут, а с точки зрения осуществления ряда серьезных шагов на пути к тому, чтобы исключить даже гипотетическую возможность инициацией МУС уголовного преследования в отношении российских граждан. Здесь, как очевидно, существует два варианта действий.

Первый вариант – полный разрыв с МУС, отказ от признания его юрисдикции и следование опыту США, заключающих двух-

сторонние договоры с рядом государств о невыдаче граждан США органам международной юстиции. По сути, этот путь означает не что иное, как добровольную и сознательную изоляцию страны от участия в процессах правовой глобализации. Его издержки, как представляется, не требуют особых комментариев.

Существует и второй путь, реализацию которого в полной мере демонстрирует ФРГ, максимально полно, почти дословно воспринявшая идеи Римского статута и воплотившая их в собственном национальном законодательстве. С одной стороны, это отражает стремление страны участвовать в международно-правовых процессах, а с другой – фактически создает ситуацию, при которой МУС полностью лишается возможности «вмешиваться» во внутренние дела ФРГ, поскольку исключается комплементарность суда (ему нечего дополнять в максимально соответствующей Римскому статуту правовой системе страны).

Представляется, что интересам России соответствует именно второй вариант: совершенствуя свою правовую систему в соответствии с требованиями МУС, обеспечить невмешательство этого органа в суверенную юрисдикцию государства. Для этого требуется скорейшая и максимально полная, насколько это возможно в рамках Конституции РФ, имплементация норм материального уголовного права, содержащихся в Римском статуте, в УК РФ, дальнейшие действия по деполитизации судебной системы и искоренения коррупции, а также иные, давно известные и необходимые для укрепления судебной власти мероприятия. Государству с законодательством, адекватным Римскому статуту, сильной, авторитетной и независимой судебной властью, негативные последствия участия в МУС не грозят.

Рассуждая о влиянии глобализации на процессы правового регулирования общественных отношений, важно обратить внимание на то, что оно не ограничивается только и исключительно развитием сферы международного права и разработкой путей и средств его согласования с внутренним правом той или иной страны. Глобализация права затрагивает содержание, назначение, функции, источники и иные характеристики внутригосударственного права, причем как на правотворческом, правоприменительном, так и на теоретическом уровнях.

Вероятно, трудно согласиться с утверждением, что в праве локальных цивилизаций никаких коренных изменений в связи с непосредственно глобализацией не произошло, так как правовые традиции большинства государств и народов уже претерпели серьезные изменения, когда большинством стран были позаимствованы ключевые элементы, свойственные для правовых семей западной правовой традиции [28, с. 13]. Более убедительной выглядит точка зрения тех специалистов, которые полагают, что под влиянием глобализации меняется структура и соотношение отраслей национального законодательства, появляются новые правовые институты, происходит содержательное изменение правовых предписаний, исходя из достижений мирового опыта правовой регламентации. Кроме того, имеет место воздействие глобализации не только на право как явление, но и на его теорию и соответствующую методологию.

Важно подчеркнуть, что это воздействие сегодня дано не иначе как в виде тенденций. Они отчетливо видны, ощутимы, но все же являются трендами, т. е. направлениями, по которым внутри страны эволюционирует право вообще и уголовное право в частности. Здесь имеют место некие общие линии развития права, но в процессе такого развития вполне возможны отступления и даже обратный ход. Однако эти линии настолько сильны и обладают столь мощной силой, что способны погасить любые колебания, определяя главные векторы правового развития.

Среди глобализационных изменений внутригосударственного права и правовой теории, значимых для понимания современного состояния и перспектив развития уголовно-правовой отрасли, на первое место выступает отмеченный многими исследователями факт «размывания» границ между частным и публичным правом. «Выделяется тенденция все более заметного вторжения публичного права в сферу частного права, тенденция постепенного стирания граней между публичным и частным правом», – пишет М.Н. Марченко [16, с. 290]. В литературе последних лет все чаще отмечается тенденция отхода от четкого разделения методов публичного и частного права по отраслевому признаку и отдается приоритет интегрированному подходу к методам правового регулирования, основанному на разумном и целесообразном сочетании частноправовых и

публично-правовых начал в регулировании общественных отношений.

Справедливость этих утверждений для российского уголовного права очевидна [4, с. 155–156; 5]. Активное включение в ряде случаев потерпевшего в круг субъектов уголовно-правового отношения, возможности привлечения к разбирательству «соответчиков», делегирование преступнику и потерпевшему права инициативно, самостоятельно и без непосредственного государственного участия разрешать уголовно-правовой конфликт, использование иных диспозитивных и восстановительных механизмов уголовно-правового регулирования, – все это не что иное, как свидетельства частноправовой интервенции в публичное уголовное право. Полагаем, что не следует видеть в этих явлениях угрозу размывания «идентичности» уголовно-правовой отрасли и опасность размывания грани между ней и иными отраслями права. Само по себе отраслевое строение права – это продукт доктринальной эволюции отечественной правовой системы. И как любая теоретическая конструкция, отраслевое деление в какой-то момент перестанет удовлетворять потребностям практики правового регулирования. А потому хвататься за него, как за непререкаемую догму, и, выступая против проникновения частноправового элемента в уголовное право, препятствовать естественному развитию уголовного права только ради сохранения чистоты и принципов отраслевого строения права – путь бесперспективный и опасный. Чем бы не завершилась тенденция совмещения частно- и публично-правовых механизмов регулирования, очевидно, что уголовное право отныне не может рассматриваться как строго публичная отрасль, которой чужды или которая игнорирует частноправовые элементы.

Следующей тенденцией глобализационного развития внутригосударственного уголовного права необходимо назвать трансформацию круга участников уголовно-правового отношения. Она производна, прежде всего, от вызванных глобализацией изменений преступности и модернизации способов реагирования на нее. В числе таких изменений в литературе справедливо называют: а) удлинение «вытянутой руки», т. е. увеличение расстояния между преступником и потерпевшим; б) расширение возможностей совершения преступлений под прикрытием легального бизнеса; в) использование

средств уголовного права международными объединениями государств [1, с. 261]. Применительно к исследуемой проблематике эти обстоятельства вызывают к жизни следующие уголовно-правовые тренды:

- признание международного сообщества субъектом не только международного уголовного права, но и внутреннего права страны (а равно повсеместное признание международного сообщества объектом уголовно-правовой охраны каждого отдельно взятого государства);

- включение в число субъектов уголовно-правового отношения юридических лиц (что особенно значимо ввиду усиливающегося влияния, в том числе и криминального, транснациональных корпораций);

- расширение сферы универсальной юрисдикции государств, включение в нее не только отношений, связанных с совершением преступлений против мира и безопасности человечества, но и любых иных преступлений против интересов национального государства или его граждан независимо от места их совершения и субъекта.

Эти изменения существенно корректируют устойчивые представления об уголовно-правовом отношении как о правовой связи исключительно государства и находящегося под его юрисдикцией лица, совершившего преступление, расширяют рамки этого отношения и, как следствие, используемые средства, методы его регулирования, иными словами, в целом границы самого уголовного права.

Тенденция расширения сферы уголовно-правового регулирования на внутригосударственном уровне в определенной степени уравнивается протекающими не без влияния глобализации процессами его ограничения. Оно наблюдается в нескольких значимых направлениях:

- ослабление запретов в частной сфере жизни человека, наделение личности большей автономностью, самостоятельностью в выборе принимаемых решений. В основе такого решения лежит изменившееся представление о взаимоотношениях государства и личности, понимание того, что общественная власть распространяется лишь на те действия человека, которые затрагивают других людей, однако действия, касаемые самого человека, находятся в его собственной власти. В уголовном праве это находит отражение в пересмотре и пределов, и самой необходимости

ти уголовной ответственности за так называемые «преступления без жертв», в частности, в отмене уголовной ответственности за гомосексуализм, проституцию, потребление наркотиков и порнографической продукции, в легализации эвтаназии и т. д.;

– ограничение применения традиционных уголовно-правовых средств, связанных с карательным и правоограничительным воздействием, для защиты частных интересов. Общая линия на невмешательство государства в реализацию частных интересов имеет своим закономерным продолжением известное отстранение государства от разрешения конфликтов, не затрагивающих публичные интересы. Отстранение в данном случае, естественно, не означает, что государство полностью декриминализирует посягательства на частные интересы. Оно проявляется в более мягких формах и, как правило, косвенно: расширение сферы частного обвинения в уголовном праве, применение восстановительных процедур и компенсационных мер и др.;

– сосредоточение уголовно-правовых средств регулирования лишь на наиболее опасных, причиняющих вред коллективным интересам преступных деяниях. Подтверждением тому может служить начавшаяся в стране кампания по декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести. Отечественная наука достаточно ревностно относится к идеям декриминализации. Основной массив предложений ученых по совершенствованию уголовного закона, равно как основная часть законопроектов о внесении изменений в УК РФ, напротив, предполагают установление или усиление ответственности за те или иные деяния.

Однако надо понимать, что декриминализация, если ее умело использовать в качестве средства реализации уголовно-правовой политики, не только не вредна, но и в ряде случаев необходима. Она не обязательно означает устранение права от реагирования на те или иные незначительные конфликты, поскольку может сопровождаться установлением ответственности за декриминализованные деяния в административном или ином законодательстве, возможностью применения иных правовых средств для защиты интересов личности, общества и государства. Применительно к предмету нашего исследования это будет означать лишь изменение правовой формы отношений, перераспределение правоотношений между различными

отраслями права за счет ограничения сферы уголовно-правового регулирования.

Таким образом, расширение круга участников уголовно-правовых отношений, ограничение номенклатуры и содержания юридических фактов, порождающих эти отношения, активное проникновение частноправовых средств и приемов в механизм их регулирования – вот лишь некоторые, но принципиально значимые изменения в предмете и методах уголовного права, которые происходят при активном влиянии правовой глобализации.

Изложенные соображения не претендуют на исчерпывающий анализ глобализационных трансформаций ключевых критериев отрасли уголовного права – его предмета и метода. Во многом они носят постановочный и прогностический характер. Вместе с тем на их основе представляется возможным сформулировать некоторые выводы, имеющие отношение к пониманию состояния и перспектив развития отрасли уголовного права.

1. Глобализация, как объективный, но поддающийся управлению процесс, затрагивает все сферы общественной жизни, включая правовую. Многоаспектность глобализации, поливариативность ее путей и возможных результатов обуславливают необходимость применения сценарного варианта описания развития уголовного права. При этом оптимальным является сценарий, предполагающий гармоничное сочетание глобальных, универсальных, стандартных подходов к уголовно-правовому регулированию, с сохранением национально-культурной и политико-правовой специфичности внутригосударственного уголовного права.

2. Достижению гармонии между внутригосударственным и международным уголовным правом должно способствовать четкое разграничение сфер ответственности этих отраслей и сохранение незыблемости права государства на наказание преступников, его уголовно-правового суверенитета, который лишь добровольно и при соблюдении всех демократических процедур государство может уступить международному сообществу для осуществления преследования лиц, совершивших наиболее опасные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества. Иные попытки осуществления международного уголовного преследования (реализуемые, прежде всего, по инициативе МУС) должны рассматри-

ваться как вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

3. Глобализация в сфере уголовного права имеет два основных направления, которые необходимо учитывать при ее исследовании: а) создание и развитие собственного международного (всеобщего) уголовного права и связанные с этим процессы гармонизации международного и национального законода-

тельства; б) трансформация самого внутригосударственного уголовного права, вызванная правовой глобализацией, которая выражается в расширении круга участников уголовно-правовых отношений, ограничении номенклатуры и содержания юридических фактов, порождающих эти отношения, активном проникновении частноправовых средств и приемов в механизм их регулирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баулин Ю.В. О задачах науки национального уголовного права в условиях глобализации // Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). — М., 2010.
2. Ведерникова О.Н. Национальные интересы России в международном уголовном праве: пути и способы обеспечения // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы науч. конф. / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина. — СПб., 2005.
3. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации: (вопросы общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006.
4. Генрих Н.В. Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации. — М., 2010.
5. Генрих Н., Квашиш В. Содержание уголовно-правового отношения: концептуальная модель // Уголовное право. — 2010. — № 4.
6. Глобализация и девиантность. — СПб., 2006.
7. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность — планетарная проблема: (к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). — СПб., 2006.
8. Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. — М., 2003.
9. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. — М., 2004.
10. Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. — СПб., 2003.
11. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. — СПб., 2003.
12. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. — СПб., 2007.
13. Костенко Н.И. Международный уголовный суд. — М., 2002.
14. Кочубей М.А. Политико-правовые риски Международного уголовного суда // Россия: от реформ к стабильности / научные труды ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. — М., 2009.
15. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. — М., 2007.
16. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. — М., 2008.
17. Международное уголовное право / под ред. В.Н. Кудрявцева. — М., 1999.
18. Международное уголовное правосудие: современные проблемы. — М., 2009.
19. Мишин Г. Глобальное государство и глобальная уголовная политика как ответ на вызов международного терроризма // Уголовное право. — 2002. — № 1.
20. Научные основы уголовного права и процессы глобализации : материалы V Российского конгресса уголовного права (27–28 мая 2010 г.). — М., 2010.
21. Нерсисянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. — 2005. — № 5.
22. Петрова Г.О. Три уровня уголовно-правового регулирования // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. на юрид. ф-те МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2002.
23. Рахманова Е.Н. Права человека. Преступность. Глобализация : опыт комплексного криминологического исследования. — М., 2009.
24. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. — М., 2004.
25. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. — М., 1998.
26. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. — М., 2004.
27. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. — М., 2007.
28. Щетинин С.А. Правовая глобализация: понятие и основные формы: теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д., 2009.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. *Baulin Yu.V.* O zadachakh nauki natsional'nogo ugolovnogo prava v usloviyakh globalizatsii // Nauchnye osnovy ugolovnogo prava i protsessy globalizatsii : materialy V Rossiyskogo kongressa ugolovnogo prava (27-28 maya 2010 g.). — M., 2010.
2. *Vedernikova O.N.* Natsional'nye interesy Rossii v mezhdunarodnom ugolovnom prave: puti i sposoby obespecheniya // Rossiyskoe ugolovnoe pravo: traditsii, sovremennost', budushshee : materialy nauch. konf. / pod red. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenkina. — SPb., 2005.
3. *Vdovin V.A.* Implementatsiya mezhdunarodno-pravovykh norm v ugolovnom prave Rossiyskoy Federatsii: (voprosy obshshey chasti) : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan', 2006.
4. *Genrikh N.V.* Predmet ugolovnogo prava: genezis nauchnoy mysli i problemy sovremennoy interpretatsii. — M., 2010.
5. *Genrikh N., Kvashis V.* Soderzhanie ugolovno-pravovogo otnosheniya: kontseptual'naya model' // Ugolovnoe pravo. — 2010. — № 4.
6. Globalizatsiya i deviantnost'. — SPb., 2006.
7. *Golik Yu.V., Korobeev A.I.* Prestupnost' — planetarnaya problema: (k itogam XI Kongressa OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugolovnomu pravosudiyu). — SPb., 2006.
8. *Delyagin M.G.* Mirovoy krizis. Obshshaya teoriya globalizatsii. — M., 2003.
9. *Zhalinskiy A.E.* Sovremennoe nemetskoe ugolovnoe pravo. — M., 2004.
10. *Inogamova-Khegay L.V.* Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo. — SPb., 2003.
11. *Kibal'nik A.G.* Sovremennoe mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo: ponyatie, zadachi i printsipy. — SPb., 2003.
12. *Kozochkin I.D.* Ugolovnoe pravo SShA: uspekhi i problemy reformirovaniya. — SPb., 2007.
13. *Kostenko N.I.* Mezhdunarodnyy ugolovnyy sud. — M., 2002.
14. *Kochubey M.A.* Politiko-pravovye riski Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda // Rossiya: ot reform k stabil'nosti / nauchnye trudy IMPE im. A.S. Griboedova. — M., 2009.
15. *Luneev V.V.* Epokha globalizatsii i prestupnost'. — M., 2007.
16. *Marchenko M.N.* Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii. — M., 2008.
17. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo / pod red. V.N. Kudryavtseva. — M., 1999.
18. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravosudie: sovremennye problemy. — M., 2009.
19. *Mishin G.* Global'noe gosudarstvo i global'naya ugolovnaya politika kak otvet na vyzov mezhdunarodnogo terrorizma // Ugolovnoe pravo. — 2002. — № 1.
20. Nauchnye osnovy ugolovnogo prava i protsessy globalizatsii : materialy V Rossiyskogo kongressa ugolovnogo prava (27-28 maya 2010 g.). — M., 2010.
21. *Nersesyants V.S.* Protsessy universalizatsii prava i gosudarstva v globaliziruyushshemsya mire // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 5.
22. *Petrova G.O.* Tri urovnya ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Ugolovnoe pravo v XXI veke : materialy mezhdunar. nauch. konf. na yurid. f-te MGU im. M.V. Lomonosova. — M., 2002.
23. *Rakhmanova E.N.* Prava cheloveka. Prestupnost'. Globalizatsiya : opyt kompleksnogo kriminologicheskogo issledovaniya. — M., 2009.
24. *Toffler E.* Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka. — M., 2004.
25. *Fletcher Dzh., Naumov A.V.* Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugolovnogo prava. — M., 1998.
26. *Fukuyama F.* Nash postchelovecheskoe budushshee. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii. — M., 2004.
27. *Khantington S.* Stolknovenie tsivilizatsiy / per. s angl. — M., 2007.
28. *Shshetinin S.A.* Pravovaya globalizatsiya: ponyatie i osnovnye formy: teoretiko-metodologicheskie aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov-n/D., 2009.

Информация об авторе

Генрих Наталья Викторовна (Краснодар) — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права. Северо-Кавказский филиал ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» (350063, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187, e-mail: ngenrich@mail.ru)

Information about the author

Genrikh, Natalya Viktorovna (Krasnodar) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head, Chair of Criminal Law. North Caucasus Affiliate of Russian Academy of Justice (187, Levanevskoy str., Krasnodar, 350063, e-mail: ngenrich@mail.ru)